

Владимир Сеницкий

* * *

Ничьей
иду тропинкой не спеша,
душа
поёт, не ведая речей.
И воздух свеж и чист,
и солнца взгляд лучист,
речист ручей.

Башмак —
один, другой — летит долой.
Босой
ступаю осторожно так.
Колись в меня, трава,
природа, ты права:
жизнь не пустяк.

Закат
на смуглом небе полосой.
Постой!
Мой светлячок здесь напрокат.
Сияет Водолей,
но свет в душе моей
сильней стократ.

Ничьей иду тропинкой
не спеша.
Башмак — один, другой —
летит долой.
Чей лист, сорвав, в ладонь
свою зажал?
Закат на смуглом небе
полосой.

* * *

Есть... Ты же есть, любовь!
Ты — есть?!
Я не уйду отсюда без
любви, меня попутал бес

любви, сошла ко мне с небес
любви бес-ты-жей милость.
Весна весьма имеет вес,
нас двое вольных свить навес,
над головою голо без
любви, я выложилась весь
на то, чтоб ты явилась.

* * *

Давайте — о любви.
Давайте — о печали.
Нас злобой накачали.
Она у нас в крови.

Давайте — без прикрас.
Хотя любовь — красива,
единственная сила.
В крови она у нас?

Без всякого вина
любовь всему виною.
С ней выживем одною.
У нас в крови она?

Давайте о других
(пусть то собака, кошка)
заботиться немножко,
как о себе самих.

Поправкою в судьбе
свои приложим длани
к заботе и вниманью,
как о самих себе.

Но не случится так.
В пустопорожном гимне
не крикнуть: «Помоги мне!»
Самим себе!
О как!

* * *

Когда приду к тебе я поздно настроен, как струна, на чудо
и праздно двери распахну, (его — любовью назовём).
в твоей квартире станет И мы, сияя, как посуда,
звёздно, всю ночь счастливо проживём
и я простор в неё вдохну,
и прожужу любую гадость,
башкой плафон слегка задену, проглотим всяческую дрянь,
и закачается луна. для нас само застолье —
Почувяв эту перемену, сладость.
как будто пена с валуна, Зачем вставать в такую рань,

слетит придирчивая скатерть, когда уже ложиться поздно?
стол засияет наготовой, Зачем слипаются глаза?
и, словно поп, взойдя Рабочий день трубит несносно,
на паперть, но расставаться нам нельзя.
графин солидный, налитой

Возьму отгул!
посередине замаячит Чего мне плакать?!

среди закусок и консерв... Спать завалюсь, как паразит.
И он тем самым обозначит, А там — пусть снег, пусть зной,
что каждый фибр и каждый пусть слякоть,
нерв пусть мелкий дождик моросит.

* * *

Ноябрь был сух, как иностранец. Не климатило.
Ванюшка нёс из школы ранец без шапки наголо.
Ну, как же так, математичка и— отпустила?!
А он, худой, бежит, как птичка, легко и нагло.
Пропустит он теперь английский. Факт нехороший.
Язык чужой, ему не близкий давно практически.
Ноябрь так сух, хотя морозно, но нет пороши.
Вернись, пацан! Но бросить поздно порханья птичьи.
Не слышит он. И ветер в уши гудит резонно.
Проник уже в нутро и души, сгубив озимые.
А агроном Иван Петрович живой персоной
на сорок дней, насупив брови, шел к тёте Симе.
Они сошлись одним лишь взглядом, Иван с Иваном.
И проступила, буду гадом, в глазах их жижица.
Но от Камчатки — и до Бреста с ветрищем рваным
вновь, как капризная невеста, снег не ложится.

* * *

Снег выпал лишь тридцатого. Пришёл декабрь.
И выпав, тут же начал таять. Просто смех!
Бр-р! Ломит кости что-то, и болит рука. Бр-р!
Но на вопрос: «Как жизнь?» — ответчу: «Лучше всех!»

На батарее — валенки, а рядом — унт,
ещё один, и сушится весь мокрый пим.
Ну, что сказать? Затеяла природа бунт.
И вот теперь я к оттепели нетерпим.

Хочу надеть всё зимнее, напялив мех,
забыть демисезонное! «Не кукся! Брось!» —
мне говорят. А я люблю пушистый снег
и лёгкий ненавязчивый такой мороз.

* * *

Я думал, что рождают предложение
в него входящие слова.
Но в новый век сменилось положение:
слова, увы, не греют, как дрова.
Я думал — оборот деепричастный
войдёт привычно в оборот.
Но капитал везде и всюду частный
мне доказал — я прав наоборот.
И в предложеньях сложносочинённых
найдя один сплошной пробел,
я в отношеньях сложноподчинённых
не так сказал или не то пропел.
Я думал, что расставил запятые
все впрок и выделил акцент.
Но подтвердили тут же понятия:
«Гоните штраф плюс пени под процент!»
Я думал, что связал в абзаце крепком
слова-дела в один союз.
Но оказалось, что в эрзаце терпком
лишь за «у.е.» сплотились девять муз.
Где терпят все, не ропща, унижение,
жизнь превращая в срочный факс,
там помнят: спрос рождает предложение,
как утверждал почивший в бозе Маркс.